

Теория тотемизма А. Рэдклифф-Брауна и витгенштейновская перспектива понимания ритуальных действий

Н.В. Медведев

Аннотация: В докладе рассматриваются методологические пределы функционального подхода к пониманию феномена тотемизма, представленного в работах английского антрополога Рэдклифф-Брауна. Опираясь на перспективу Л. Витгенштейна, изложенной в статье «Заметки о «Золотой ветви» Дж. Фрезера», автор доказывает, что понятие функция, равно как и понятие всеобщего закона, оставляет непостижимыми многие важные аспекты в культурных явлениях архаических обществ, в частности тотемизма.

Ключевые понятия: А. Рэдклифф-Браун, Л. Витгенштейн, тотемизм, ритуал, функционализм.

Обсуждая функции определенного ритуала, мы, как правило, убеждены в том, что имеются разумные основания для подобной символической модели поведения. Если нам, к примеру, говорят, что функция ритуала заключается в том, чтобы снять психологическое напряжение, или продемонстрировать силу племени его ненавистным соседям, или расширить экспедиции охотников племени на новые территории, чтобы минимизировать экологический ущерб, то нас обычно устраивает такое объяснение. По крайней мере, оно раскрывает причины «странного» поведения участников ритуального действия. Но обсуждаемая проблема становится более сложной, если нас убеждают в том, что участники ритуала не осознают его разумных оснований. Это означает, что сам по себе ритуал не освобождает участвующих в нем людей от чувства тревоги, не впечатляет соседей и не минимизирует экологический ущерб. И тогда мы вправе задать вопрос: «Почему же ритуал выполняет именно ту функцию, которую установил и предписал ритуалу его исследователь?».

Один из наиболее известных способов избежать подобной трудности, правда, не оптимальный, состоит в разграничении функций ритуала на явные и

неявные. Тем самым проводится разделительная линия между тем, что думают люди относительно своих действий во время ритуала, и тем, что в действительности происходит, или, более точно, между мнениями участников ритуальных церемоний относительно своих действий и функциями, которые выполняют их действия.

В докладе будут продемонстрированы методологические пределы функционального подхода к пониманию феномена тотемизма, представленного в работах английского антрополога Рэдклифф-Брауна. Я постараюсь обосновать, опираясь на перспективу Л.Витгенштейна, что понятие функция, равно как и всеобщего закона, оставляет непостижимыми многие важные аспекты в культурных явлениях архаических обществ, в частности тотемизма.

Одно из определений термина «функция», данное Рэдклифф-Брауном в контексте обсуждения понятия стабильности социальной системы, звучит так: «Функция может быть определена как целостный набор связей, которыми обладает отдельное социальное действие, обычай или верование в общей социальной системе» [1].

В другом месте при обсуждении вопроса о возможности получения практических результатов социальной антропологии Рэдклифф-Браун пишет: «Изучение верований и обычаев туземных народов с целью не просто реконструировать их историю, но раскрыть их значение, функции, то есть место, которое они занимают в умственной, нравственной и социальной жизни, может принести значительную пользу» [2].

Рэдклифф-Браун подчеркивает также, что социальный антрополог должен пытаться объяснить обычаи и жизнь туземцев на языке универсальных законов человеческого общества [2, pp. 32, 35]. Акцент на всеобщих социальных законах, которые открывают социальные антропологи, проявляется в его теории тотемизма, которую Рэдклифф-Браун кратко характеризует следующим образом:

1. В примитивных обществах предметы, оказывающие значительное влияние на социальную жизнь, обязательно становятся объектами ритуального поклонения; функция ритуалов сводится к выражению, фиксации и увековечиванию социальной ценности предметов.

2. Следовательно, в обществе, существование которого полностью или в значительной мере зависит от охоты или собирательства, различные виды животных и растений, в особенности те из них, которые используются в пищу, становятся объектом ритуального поклонения[2, pp. 20-21].

То, что Рэдклифф-Браун называет «законами общества», в действительности является эмпирическими обобщениями. В данном контексте «законы» подразумевают существование необходимых, объективных, существенных связей между явлениями, они выступают как эмпирически удостоверенные гипотезы. Исходя из описанной методологической установки, Рэдклифф-Браун стремится проанализировать такое культурное явление как тотемизм.

Согласно Рэдклифф-Брауну, тотемизм следует понимать как специфическое развитие всеобщей ритуальной связи между человеком и живыми природными объектами в примитивных сообществах. Эта всеобщая ритуальная связь обусловлена зависимостью существования племени от отдельных видов растений и животных.

В данном случае представляется интересным сопоставить взгляды Рэдклифф-Брауна с тем, что писал Л. Витгенштейн в своих заметках о «Золотой ветви» Дж. Фрэзера:

«Что человеческая тень, похожая на человека, или его отражение в зеркале, что дождь, непогода, фазы Луны, времена года, сходство и различие животных между собой и по сравнению с человеком, явления смерти, рождения и сексуальной жизни, т.е. коротко говоря, все, что человек из года в год воспринимает вокруг себя, самыми многообразными способами связано друг с другом и будет играть роль в мышлении (философии) и обрядах

человека – это понятно само собой, или, другими словами, именно это мы на самом деле знаем и находим интересным» [3].

Витгенштейн говорит здесь о том, что является очевидным для нас: конечно, он не упоминает при этом слово «тотемизм». Хотя «сходство и различие животных между собой и по сравнению с человеком..., что человек из года в год воспринимает вокруг себя», и что оказывает влияние на его образ мыслей, его обряды, можно понимать в значении, охватывающим понятие тотемизм. В отличие от Витгенштейна, указывающего, что тотемизм является одним из способов взаимосвязи разнообразных вещей, играющих важную роль в человеческом мышлении, в обрядах, Рэдклифф-Браун стремится подчеркнуть, что взгляды на феномен тотемизма следует воспринимать как гипотезу. Рэдклифф-Браун рассуждает подобным образом, чтобы показать, почему он считает веским доказательство своей гипотезы; хотя в принципе его взгляды открыты для эмпирического опровержения. Интересно, что в этом состоит различие позиций Витгенштейна и Рэдклифф-Брауна. Здесь проявляются два противоположных подхода к рассмотрению обрядов в традиционных обществах.

Если принимать как очевидное, что определенные вещи играют важную роль в деятельности человека, в его мышлении, то задача понимания данного феномена, например, тотемизма, становится задачей нахождения правильной перспективы, которая позволяет увидеть, почему этот феномен является тем, что он есть в действительности. Если предположить, что для понимания социального феномена необходимо разобраться, какому закону он подчиняется, тем самым мы подходим к решению проблемы с другого конца: мы ищем эмпирические обобщения и готовы изменить свою позицию, если наши гипотезы окажутся эмпирически несостоятельными.

Объясню свое предположение. Я не допускаю, что позиция Витгенштейна служит своего рода веским аргументом для опровержения функционального подхода в социальной антропологии, которого придерживается Рэдклифф-Браун. Считаю, что в соответствии с позицией

Витгенштейна, мы приходим к пониманию того, что смена аспекта открывает нам возможность иначе взглянуть на странные, непонятные для нас ритуалы.

Функционализм как методологический подход предоставляет нам лишь *один* (и надо, полагать как единственно возможный) способ объяснения ритуалов, способ, который лишает нас в итоге потребности истолковывать их в гипотетических терминах. Я полагаю, что позиция Витгенштейна может помочь нам осознать пределы функционального анализа. Прибегая к функциональному объяснению, мы не ощущаем потребности в дальнейшем истолковании удивляющих нас ритуалов. Скорее мы стремимся понять, почему эти ритуалы такие, какими мы их наблюдаем.

Конечно, можно задаться вопросом: «Что необходимо для понимания тотемизма?». И все же, исчезнет ли загадочность тотемизма как культурного явления, если нам скажут, что это есть специфический способ проявления всеобщего закона, устанавливающего взаимосвязь между человеком и природой в примитивных обществах? Допуская, что растения и животные являются объектом ритуального поклонения, нам представляется крайне необычным само объяснение, что, скажем, кенгуру является чьим-то предком, а ночная сова – сестрой, или летучая мышь – братом. Способствуют ли нашему пониманию заявления ученого-антрополога, что рассмотренные выше понятия являются проявлениями универсального закона? Можно доказать, что такое объяснение на деле не приводит к пониманию этих феноменов. И я не считаю, что ситуация изменится к лучшему, если нам скажут, что функция тотемических обрядов состоит, например, в установлении социальной солидарности. Скорее мы будем придерживаться мнения, что тотемизм является крайне необычным способом установления социальной солидарности. Другими словами, подобного рода объяснение вовсе не затрагивает вопроса, что же все-таки нас озадачивает и изумляет в таком явлении как тотемизм.

Следует также сказать, что витгенштейновские заметки не продвигают нас в решении указанной проблемы, если их рассматривать в том смысле, что

понимание роли животных может быть продемонстрировано в ритуалах и верованиях туземцев без какого-то объяснения. Думаю, мы едва ли способны понять тотемический ритуал непосредственно без какого-то вербального объяснения. Однако Витгенштейн неоднократно подчеркивает в своих заметках, что гипотетическое объяснение не есть то, в чем мы нуждаемся для понимания ритуальных действий. Вот, что он об этом пишет в «Заметках о «Золотой ветви» Фрэзера»:

«Когда Фрэзер начинает свою книгу рассказом про Царя Леса из Неми, тон у него при этом таков, что ясно: происходит нечто удивительное и страшное. А на вопрос: «Почему же это происходит?», дается, собственно такой ответ: потому что это страшно. Это означает что то же самое, что кажется нам в этом эпизоде величественным, ужасным, трагическим, но также тривиальным и бессмысленным именно оно рождает подобные события. Здесь можно только описывать и говорить: такова человеческая жизнь. Объяснение, по сравнению с тем впечатлением, которое на нас производит описание, слишком ненадежно. Всякое объяснение есть гипотеза. Если кто-то, например, обеспокоен из-за любви, ему плохо поможет какое-то гипотетическое объяснение. – Оно его не успокоит. Стеснение мыслей, которые не могут прорваться наружу из-за того, что все хотят протиснуться вперед и так заклинивают выход» [3, с. 252].

Гипотезы Фрэзера затрагивают и опираются на исторические источники. Функционализм объясняет, как действуют в обществе тот или иной культурный феномен. Однако точка зрения Витгенштейна на реконструкцию источников не относится к разряду функционального объяснения. Мы испытываем удивление при столкновении с тотемизмом. Наше удивление не устраняется через объяснение того, как функционируют в обществе тотемические ритуалы. Это удивление связано не столько с функцией тотема, сколько со словами девочки-аборигенки, что ночная сова есть ее сестра. Однако не просто найти тот способ проведения исследования, который сможет устранить наше удивление. Ясно, например, что факты или функции

«недостающего звена» мало чем помогут. Мы можем думать, например, о ритуале наделения людей именами животных, согласно проявлениям черт их характера.

Определенное замешательство, которое мы испытываем при столкновении с феноменом тотемизма, обусловлено нашим современным образом жизни. Рэдклифф-Браун, безусловно, прав, когда указывает на важную роль отдельных видов растений и животных в жизни архаических племен. Но еще более важным при этом оказывается наше отношение к животным. Оно значительно отличается от отношения к ним первобытных людей. Животные, конечно, могут играть заметную роль в жизни отдельных индивидов в современном обществе (например, собака или кошка могут стать другом), но их роль не совпадает с той, какую они играют в жизни примитивного племени. Так немногие из нас наблюдали за поведением животных в естественной среде обитания; мы не знаем, как идти по следу зверя, поскольку такое знание не обязательно для нашего нынешнего существования. Для некоторых людей охота есть просто один из способов получения удовольствия, или разновидность развлечения. Убийство зверя на охоте, разрешенное местным добровольным обществом охотников, является далеко не «тем же самым» убийством животного в первобытном племени, для членов которого первоочередной была проблема выживания, а мясо зверя было необходимо, чтобы прокормить себя. Именно это обстоятельство, я убежден, представляет для нас трудность при постижении того, как люди могут утверждать о наличии у них родственных отношений с животными. Мы можем сказать, что все объяснения в терминах функционализма оставляют непостижимыми для нас многие вещи. Разумеется, ни одно объяснение нельзя считать «исчерпывающим». Сила объяснения во многом определяется его соответствием социальному контексту. Нам важно уяснить, думаю, это – главное, что рассуждения на языке функций или всеобщих социальных законах лишь отчасти *затрагивают, а тем более разрешают*, беспокоящие нас вопросы. Логика функционального объяснения, не позволяет нам понять, почему люди

ведут себя так, а не иначе, имеют тот, а не другой набор представлений? Нам говорят, что такие представления или обряды действуют у людей определенным образом. Однако это оказывается явно недостаточным, чтобы устранить испытываемое нами удивление при столкновении с незнакомыми нам ритуалами, например, тотемизмом. Подобные объяснения на самом деле не устраняют нашего чувства изумления, не затрагивают его.

В «Заметках о «Золотой ветви» Дж. Фрезера» Витгенштейн демонстрирует особенности своего подхода в решении проблемы понимания символического значения ритуальных действий, магических воззрений различных племен. Он резко критикует объяснительную модель, предложенную Фрезером, полагая, что она исходит из ложных предпосылок. Каузальное объяснение Фрезера исходит из представления рационального превосходства современной технократической цивилизации в сравнении с культурой первобытных народов. В основе всякого ритуала он ищет телеологическую установку. Заблуждение Фрезера Витгенштейн видит в том, что тот в своем объяснении подменяет одну «форму жизни» (магия, религия) другой (наука), применяет научные методы истолкования к тем способам существования людей, которые выходят за пределы сциентистской парадигмы мышления. Витгенштейн рассматривает ритуал, обычай любого народа в качестве «жизненной формы», которая не подлежит рациональному обоснованию, внешней критике, а наличествует как данное, несомненное, служит свидетельством включенности человеческого индивида в определенную социальную организацию. Витгенштейн отклоняет историческое объяснение при понимании источника происхождения религиозных символов, ритуалов, магических обрядов, поскольку по отношению к ним оно не достигает цели, не работает, выступает как псевдообъяснение. Предложенный им способ «прозрачного изложения» характеризуется отказом от жесткой детерминации событий, исторических фактов. Главная задача состоит в том, чтобы «видеть связи», «промежуточные звенья» между излагаемыми, передаваемыми событиями,

фактами. Необходимо вскрыть их сходство и различие, чтобы таким образом получить ясное представление относительно описываемого явления. Звенья цепочки, по которым осуществляется перенос значения с одного объекта на другой, тянутся из прошлого в настоящее, что, в конечном счете, способствует пониманию смысла символических действий. Витгенштейн акцентирует связь между ритуальным поведением и речевой активностью участников обряда. Для того, чтобы понять природу ритуала, его «душу» необходимо описать все обстоятельства, причастные к его свершению, весь окружающий его контекст [3, с. 259].

Критерием понимания смысла древнего обряда служит внутренний опыт субъекта, испытываемое им психологическое состояние, то впечатление, которое оказывает на него описание древней «игры». Празднества Бельтановых огней, проводимые с незапамятных времен в Европе, поражают воображение Витгенштейна, производят на него «глубокое и мрачное впечатление», потому что связаны в прошлом с человеческим жертвоприношением. Это обстоятельство, лежащее в основе его происхождения, не требует никакого исторического свидетельства. Магические действия являются прагматически необусловленными. Их цель – эмоциональное, психологическое удовлетворение. «Мы поступаем таким образом, потому что чувствуем удовлетворение» (Витгенштейн).

Почему современный человек изначально, до всякого научного объяснения понимает символические действия, каким образом ему удастся проникнуть в «глубину» ритуала, несмотря на исторически измененную форму его проявления? Согласно Витгенштейну, предпосылки коренятся в нашем жизненном мире, хранящем «смысловые осадки» прошлого опыта предшествующих поколений, а также внутренний опыт субъекта: «А если бы меня спросили: откуда мы это знаешь? – то я мог бы сказать одно: меня этому научил мой опыт и знание людей» [3, с. 261].

Итак, с точки зрения Витгенштейна, решающую роль в понимании символического смысла древних обрядов играет не каузальное объяснение, а

описание всего контекста его проведения, «окружение некоторого образа действий», что позволяет человеку в итоге уловить глубинную природу происходящего события. Способность современного человека понимать значение незнакомых ритуалов проясняется тем, что последние соответствуют общим человеческим склонностям.

При обращении к функциональному анализу важно помнить, чего в действительности не осуществляет или не затрагивает этот научный подход. Так, при помощи функционального анализа невозможно увидеть *глубину примитивных ритуалов*. Дело в том, что мы подходим к пониманию чужих ритуалов и верований не путем выявления необходимых и достаточных условий понимания, и не путем формулировки универсального критерия понимания, а через обращение к человеческим действиям, формам поведения, смысл которых непосредственно распознается нами. Поэтому витгенштейновская перспектива понимания ритуальных действий является своего рода яркой демонстрацией ограниченности функционального анализа и предложением к развитию других способов истолкования поражающих нас ритуалов.

-
1. Radcliffe-Brown A.R. Structure and Function in Primitive Society. London, 195. P.85.
 2. Radcliffe-Brown, A. R. Method in Social Anthropology. Selected essays. Chicago, 1958. P. 31.
 3. Витгенштейн Л. Заметки о «Золотой ветви» Дж. Фрезера // Историко-философский ежегодник. М., 1989. С.254.